ПОСЛЕДНЯЯ ИГРА МИСТЕРА ВЕЙЛА

ДЕТЕКТИВ

ЕКАТЕРИНА МУНТЯН

Екатерина Мунтян

Последняя игра мистера Вейла

«Автор»
2026

Мунтян Е.

Последняя игра мистера Вейла / Е. Мунтян — «Автор», 2026

Десятая игра в поместье Греймур должна была стать самой сложной и запоминающейся. Эдмунд Вейл, состоятельный хозяин старинного английского поместья, собрал гостей, чтобы предложить им серию загадок, тайников и испытаний, рассчитанных на наблюдательность, логику и умение замечать то, что скрыто от чужих глаз.Среди приглашённых — Генри Рид, детектив, привыкший доверять не словам, а фактам. Он рассчитывал провести вечер за интеллектуальной игрой. Но после ужина двери Греймура оказались заперты, связь с внешним миром прервалась, а сам хозяин был найден мёртвым.

© Мунтян Е., 2026
© Автор, 2026

Екатерина Мунтян
Последняя игра мистера Вейла

Последняя игра мистера Вейла

Глава 1

Чёрный чай и белый конверт

В 7:30 утра Генри Рид завтракал. Перед ним стояла чашка крепкого чёрного чая, тарелка с двумя аккуратно поджаренными ломтиками белого хлеба и маленькая банка апельсинового мармелада, купленного в лавке на площади Беллмура. В этом мармеладе Генри ценил не сладость, а лёгкую горечь апельсиновой цедры. Слишком сладкие вещи казались ему не вполне честными, как и люди, которые слишком быстро становились любезными.

Он сидел у окна, как делал это каждое утро, потому что из всех мест на кухне именно отсюда было видно задний сад. После ночного дождя узкая каменная дорожка влажно поблёскивала между клочками мха. Старая яблоня стояла почти без листьев, а у кирпичной стены темнела скамья, давно нуждавшаяся в ремонте.

Генри поднял чашку и сделал небольшой глоток. Чай был заварен как надо.

На левом запястье у него были старые отцовские часы на потёртом тёмно-коричневом кожаном ремешке. Они отставали ровно на четыре минуты. Это было не случайностью и не забывчивостью. Мастер Хоббс с площади уже дважды предлагал привести их в порядок, но Генри всякий раз отказывался. Он не считал неисправность достоинством. Просто некоторые вещи следовало чинить, а некоторые стоило оставлять такими, какие они есть, если именно эта неисправность не давала забыть о прежней ошибке.

Генри развернул The Bellmoor Gazette и начал читать с последней страницы. Сначала шли объявления. Продавалась двухлетняя кобыла. Была потеряна брошь с агатом. Заседание приходского совета переносилось. Миссис Эллиот благодарила соседей за соболезнования. В короткой судебной заметке сообщалось о споре двух братьев из-за телеги, оставленной у почты дольше положенного.

Последние страницы газеты нравились Генри больше первых. На первых полосах люди старались выглядеть значительными, а на последних просто жили. В объявлениях о продаже скота, благодарностях, мелких тяжбах и случайных жалобах было меньше риторики и больше того, из чего на самом деле состояла человеческая жизнь.

Он как раз дочитал заметку о телеге, когда в дверь постучали.

Почтальон, как обычно, не воспользовался бронзовым молотком в виде львиной головы. Однажды он признался Генри, что этот молоток смотрит на него как управляющий банком. С тех пор он предпочитал стучать костяшками пальцев по нижней панели двери.

Генри аккуратно сложил газету, промокнул губы салфеткой и вышел в прихожую.

Дом номер четырнадцать на Милл-стрит был двухэтажным георгианским таунхаусом из тёмно-красного кирпича. В прихожей висели два пальто. Одно, тёмно-серое, предназначалось для сырой погоды. Второе, тёмно-синее, Генри надевал в тех случаях, когда хотел выглядеть достаточно прилично, но не настолько, чтобы кто-нибудь заподозрил его в старании. Под пальто стояла стойка для зонтов. На полу лежал тяжёлый чугунный коврик.

Когда Генри открыл дверь, на пороге оказался почтальон, молодой человек с круглым лицом, красноватым носом и выражением вечной вины, словно вся корреспонденция Англии была его личной ответственностью.

— Для вас, мистер Рид, — сказал он, протягивая плотный белый конверт. — Мне велели вручить лично. Доставлено особым порядком.

Генри взял конверт и посмотрел на аккуратный почерк.

— Особым порядком, — повторил он. — Любопытное выражение. Когда письмо проходит через почту, но называется особым, это обычно означает, что кто-то заплатил больше, чем требовалось, чтобы обычная процедура приобрела торжественный вид.

Почтальон улыбнулся с осторожностью человека, который не вполне понял шутку, но решил не рисковать.

— Может быть, сэр. Я только доставляю.

— И тем самым поддерживаете одну из немногих систем, которые пока ещё работают лучше, чем о них говорят.

Почтальон тронул фуражку и пошёл дальше по Милл-стрит, явно решив, что утро уже стало достаточно странным.

Генри закрыл дверь и задержался в прихожей, рассматривая конверт. Бумага была дорогая, плотная, цвета слоновой кости. На лицевой стороне значилось:

Mr Henry Reed

14 Mill Street

Bellmoor

В левом верхнем углу было тиснение. Тонкий круг, внутри которого находились песочные часы и шахматная ладья.

Генри уже видел этот знак.

Первое письмо от Эдмунда Вейла пришло несколько недель назад. В нём Генри Риду предлагалось принять участие в ежегодной интеллектуальной игре в загородном поместье Греймур. Письмо было составлено с безупречной вежливостью и той разновидностью уверенности в себе, которую состоятельные люди иногда искренне принимают за оригинальность.

Генри тогда отложил письмо, потом прочёл его снова, затем составил короткий отказ, но так и не отправил его. В конце концов он согласился. Не из тщеславия, как сказал себе, и не из желания провести вечер среди людей, которые называли развлечением то, что другим показалось бы допросом. Скорее из любопытства.

Вернувшись на кухню, Генри сел к столу и вскрыл конверт ножом для бумаги.

Внутри лежал один машинописный лист.

Уважаемый мистер Рид,

Напоминаю, что участники десятой игры мистера Эдмунда Вейла ожидаются сегодня в Греймур-Эстейт.

По прибытии вам будет предложено подписать соглашение о конфиденциальности, как и всем остальным гостям.

Игра начнётся после общего ужина. До этого времени вам будут предоставлены комната, отдых и возможность познакомиться с другими участниками.

Мистер Вейл просит вас не брать с собой помощников, служебных документов, оружия, а также материалов, которые могут нарушить равные условия игры.

С уважением,

Peter Whitmore

личный помощник мистера Вейла

Подпись была сделана от руки. Аккуратная, сдержанная, почти незаметная.

Генри перечитал письмо. Его взгляд задержался на словах «равные условия игры». Он не стал сразу придавать им значения.

Он допил чай и доел последний кусочек тоста с мармеладом. Затем вымыл чашку, тарелку и нож, вытер их льняным полотенцем и поставил на место. Генри не оставлял посуду в раковине. Беспорядок, по его опыту, обладал неприятной способностью постепенно выдавать себя за естественный ход жизни.

После завтрака он поднялся на второй этаж в кабинет.

Кабинет Генри Рида пах старой бумагой, пчелиным воском и едва заметным хорошим табаком. Сам Генри не курил, но запах сохранился от прежних посетителей, и он не пытался вывести его окончательно. Чужие следы иногда были полезны. Они напоминали, что даже самое личное помещение время от времени наполнялось чужими тревогами.

На тёмном письменном столе лежали аккуратно подписанные папки, чернильница, увеличительное стекло в металлической оправе и коробка с карандашами. На стене висели часы, показывавшие правильное время. Генри никогда не сверял с ними наручные.

Он открыл верхний ящик стола и достал небольшую папку с вырезками.

Имя Эдмунда Вейла встречалось в газетах достаточно часто, чтобы составить представление, и достаточно редко, чтобы это представление оставалось неполным. Состояние он приобрёл не по наследству, хотя после смерти дяди получил долю в нескольких промышленных предприятиях. Деньги Вейла вкладывались в транспорт, страхование и механические патенты. В одной статье его называли покровителем изобретателей. В другой человек, чьё изобретение он финансировать отказался, называл его коллекционером чужих идей.

О ежегодных играх упоминалось лишь дважды. Одна заметка сообщала о благотворительном вечере в Греймуре. Другая называла Вейла эксцентричным хозяином, любившим «испытания ума и характера». Имена участников не приводились.

Генри закрыл папку.

Отсутствие сведений само по себе ничего не означало. Иногда оно свидетельствовало о тайне. Иногда лишь о том, что событие никого не заинтересовало.

Он положил во внутренний карман тёмный кожаный блокнот и остро заточенный карандаш. Лупа, тонкие кожаные перчатки и чистый льняной платок отправились в небольшой чемодан вместе со сменой белья и туалетными принадлежностями.

Генри переоделся в тёмно-серый шерстяной костюм-тройку, выбрал белую рубашку с твёрдым воротничком и галстук приглушённого синего цвета. Задержавшись у зеркала, Генри поправил галстук.

— Достаточно прилично, — сказал Генри отражению.

В прихожей он надел пальто, взял шляпу и письмо, затем запер дом. Латунная табличка справа от белой входной двери блеснула в сером утреннем свете:

H. REED

PRIVATE INQUIRIES

Генри задержался у калитки. Милл-стрит просыпалась медленно. Женщина напротив вытряхивала коврик. Мальчишка в кепке вёл велосипед со спущенным колесом. У булочной на углу уже стояли трое, и каждый смотрел на остальных с выражением человека, подозревающего соседей в намерении купить последний батон.

Всё выглядело мирно. Генри постоял ещё несколько секунд, потом закрыл калитку и направился к площади.

Машина, присланная из Греймура, ждала у гостиницы на углу. Чёрная, тяжёлая, с блестящими крыльями.

Шофёр, пожилой мужчина открыл заднюю дверцу.

— Мистер Рид? — спросил он.

Генри остановился перед машиной и посмотрел сначала на шофёра, затем на идеально вычищенную ручку дверцы.

— Да.

Шофёр чуть склонил голову и принял чемодан.

— После дождя дорога к поместью не самая приятная.

— Дороги редко виноваты в том, что за ними плохо следят.

Уголок рта шофёра слегка дрогнул.

— Мистер Вейл придерживается сходного мнения. Графство пока не разделяет его настойчивости.

Генри сел в машину.

Беллмур остался позади. Каменные дома сменились полями и невысокими изгородями. Дорога пошла через холмы Саут-Даунс. Земля по обе стороны потемнела от дождя. Над трубами редких ферм поднимался дым, который низкое небо почти сразу прижимало к крышам.

Генри смотрел в окно и думал об Эдмунде Вейле. Он не любил слово «игра», когда его произносили люди, способные сами устанавливать правила. Нередко оно означало, что один человек уже знает ответ, а остальные приглашены доставить ему удовольствие своими ошибками.

И всё же в замысле Вейла было нечто, заслуживавшее внимания. Десять лет подряд в одном доме собирались люди, и добровольно подчинялись системе неизвестных испытаний. Участники не получали денег. Не вручались и призы, если не считать удовольствия обнаружить в себе качества, существование которых прежде можно было лишь предполагать.

Машина свернула с широкой дороги на более узкую. Деревья здесь стояли ближе друг к другу, ветви нависали над проездом, а колёса то и дело попадали в грязные колеи. Шофёр вёл уверенно, словно каждая яма была ему знакома давно и между ними существовало молчаливое соглашение.

За очередным поворотом появились ворота. Кованые, чёрные, высокие, между двумя каменными столбами, на которых темнел мох. Табличка на одном из столбов была потемневшей от времени:

GREYMOOR ESTATE

За воротами начиналась подъездная аллея. Старые дубы стояли по обе стороны дороги. Их ветви переплетались над головой, образуя тёмный свод. Поместье не показывалось сразу. Дорога делала плавный поворот, поднималась выше, и только после этого дом возник на возвышенности.

Греймур-Эстейт был большим викторианским загородным домом, перестроенным в начале века. Тёмный камень, высокие окна, выступающие эркеры, широкая лестница к главному входу. Дом не выглядел заброшенным, но и не казался вполне жилым. По крайней мере, Генри не увидел в нём той лёгкой небрежности, которая появляется в доме, где люди живут свободно. Здесь всё было подстрижено, вымыто и укреплено.

Машина остановилась у входа. Ещё до того, как шофёр успел выйти, входная дверь открылась. На пороге стоял мужчина лет тридцати с небольшим, среднего роста, стройный, в безупречно сидящем тёмном костюме. Лицо его было спокойным, приятным, но не сразу запоминающимся. Генри отметил это не как недостаток, а как качество, полезное для человека, которому часто приходится находиться в комнате и оставаться незамеченным.

Мужчина спустился по ступеням.

— Мистер Рид, добро пожаловать в Греймур, — сказал он. — Я Питер Уитмор, личный помощник мистера Вейла. Он просил передать, что сожалеет, если дорога оказалась утомительной.

Голос был мягкий, хорошо поставленный, без суетливой услужливости. Генри пожал ему руку. Рукопожатие оказалось сухим и точным, не слишком крепким и не слишком вялым.

— Мистер Уитмор, — сказал Генри. — Дороги редко бывают неприятными сами по себе. Обычно им помогают погода, человеческая самоуверенность и плохое содержание канав.

Питер чуть улыбнулся.

— Боюсь, к погоде мы непричастны.

Он взял небольшой чемодан Генри у шофёра. Сделал это спокойно, без подчёркнутой услужливости, словно завершал заранее предусмотренную часть процедуры.

Они поднялись по ступеням. Входная дверь была дубовая, тяжёлая, с латунной ручкой. За ней открывался широкий вестибюль, и первое, что почувствовал Генри, была прохлада старого дерева и камня.

Тёмные панели покрывали стены. Каменный пол отражал рассеянный свет. Большая лестница плавно поднималась на второй этаж. Над ней высокое окно пропускало серый дневной свет, падавший на старые портреты. Слева виднелись двери в библиотеку, справа в столовую, а прямо открывался широкий проход к гостиной.

Где-то в глубине дома послышался звон посуды. Молодая горничная появилась из бокового коридора, приняла у Генри пальто и шляпу и почти сразу исчезла за той же дверью.

Питер заметил, куда он посмотрел.

— Персонал закончит приготовления и уедет до запуска системы. Мистер Вейл считает, что постороннее присутствие создаёт лишние переменные. После запуска системы в доме останемся только мы: мистер Вейл, приглашённые участники и я. Я участвую в этом году.

Генри отметил, что персонала в доме немного, для такого поместья даже слишком немного. По крайней мере, в холле не было той тихой суеты, которую создают несколько человек, одновременно заботящихся о гостях.

— Прежде чем я покажу вам комнату, необходимо подписать соглашение. Оно касается конфиденциальности и механической системы дома.

Питер открыл папку и передал Генри несколько скреплённых листов.

Документ оказался короче, чем тот ожидал. Участник соглашался не разглашать содержание игры без разрешения хозяина, не повреждать механизмы и запертые элементы, не пользоваться заранее подготовленными материалами и не покидать поместье после официального запуска системы до завершения испытаний.

Отдельный пункт предупреждал, что наружные двери и часть окон будут механически заблокированы.

Генри перечитал его.

— Что произойдёт, если кто-то передумает?

— До запуска системы он может уехать. После запуска наружные двери и окна первого этажа будут заблокированы до завершения игры. Мистер Вейл предусмотрел аварийное отключение для чрезвычайных обстоятельств. Код известен мистеру Вейлу. Сам аварийный механизм устанавливал Хоторн. Мне не приходилось им пользоваться.

Генри взял ручку, но не сразу поставил подпись.

— Не принимайте это за доверие.

— Я бы не осмелился.

Питер промокнул подпись и убрал листы в папку.

— Ещё один вопрос. Что вы предпочитаете пить за ужином?

В его руке появился небольшой блокнот.

— Воду. После ужина чёрный чай, если он будет. Без молока и сахара.

Питер сделал пометку.

— Разумеется.

— Остальные участники уже приехали?

— Доктор Роуэн прибыл незадолго до вас. Сэр Чарльз Мерсер и миссис Блейк ожидаются вскоре. Мистер Вейл присоединится к гостям перед открытием игры.

Питер закрыл блокнот и повёл Генри наверх.

На втором этаже шесть дверей выходили в длинный коридор. Ковровая дорожка приглушала шаги. В конце находилась небольшая ниша с окном на задний двор. За мокрым стеклом виднелись крыши служебных построек и верхушки старых деревьев.

Генри насчитал пять закрытых дверей по обе стороны коридора и шестую в дальнем конце.

Питер остановился у первой справа.

— Это ваша комната.

Спальня была просторной, но не роскошной. Кровать с тёмным покрывалом, шкаф, умывальник, письменный стол и камин с подготовленными поленьями. Высокое окно выходило в сад.

На столе лежал белый конверт с именем Генри.

— Приветствие мистера Вейла, — пояснил Питер. — Его можно открыть сейчас. Это ещё не задание первой игры.

— Предусмотрительно.

— Мистер Вейл редко оставляет конверт без объяснения.

Питер поставил чемодан возле шкафа.

— Если вам что-нибудь понадобится до отъезда персонала, воспользуйтесь колокольчиком. Позднее я буду находиться внизу.

— Благодарю.

Оставшись один, Генри проверил замок на двери и шпингалет окна. Не потому, что ожидал обнаружить опасность. Он предпочитал знать, какие простые вещи работают исправно, прежде чем сталкиваться со сложными.

Окно открывалось туго. Под ним находилась каменная стена, уходившая вниз к узкой полосе размокшей земли. По левую сторону выступала крыша зимнего сада. Расстояние до неё было не таким большим, чтобы сделать спуск невозможным, и достаточно большим, чтобы сделать его неразумным.

Генри закрыл окно и вскрыл конверт.

На плотной карточке было напечатано:

Десятая игра начинается с вопроса.

Что вы готовы назвать правдой, если не знаете, кто её сказал?

Не отвечайте сейчас.

Ответ понадобится позднее.

Э. В.

Генри перечитал вопрос и положил карточку обратно.

Формулировка была театральной. Впрочем, от человека, построившего механическую систему для запирания собственного дома, трудно было ожидать скромного начала.

Он достал блокнот.

В верхней части страницы записал: «Уитмор — помощник Вейла. Участвует в игре наравне с гостями». Ниже отметил соглашение, аварийный механизм и отъезд персонала.

Он закрыл блокнот и привёл в порядок вещи.

Через некоторое время внизу хлопнула входная дверь. Послышались голоса, движение чемоданов и короткий смех женщины. Ещё одна машина подъехала к дому, а затем отъехала по гравию.

Генри спустился не сразу.

Он не любил входить первым и не любил входить последним. Первые вынуждены разговаривать с каждым новым пришедшим. Последние привлекают ненужное внимание. Среднее положение чаще всего позволяло увидеть больше.

В вестибюле молодая горничная как раз передавала Питеру связку ключей.

— Все камины готовы, мистер Уитмор, — сказала она. — В спальне у дальнего окна опять тянет из рамы.

— Я проверю.

— Я положила дополнительное одеяло.

— Благодарю, Мэри.

Девушка надела пальто и вышла. Следом из служебного коридора появились пожилая кухарка и молодой мужчина в белом переднике. Кухарка держала сумку и сложенный зонт.

— Основное блюдо готово, — сказала она Питеру. — Соус на малом огне. Десерт в холодной кладовой. Кофе уже смолот.

— Благодарю, миссис Кент.

— И западная ставня в прошлый раз заедала.

— Её отрегулировали.

— Механизмы тоже умеют лгать, мистер Уитмор.

Она сказала это без улыбки и направилась к двери.

Питер проводил обоих на крыльцо. Возле ступеней ожидала хозяйственная машина. Шофёр Генри уже сидел за рулём.

Через несколько мгновений машина тронулась и скрылась за деревьями.

Питер закрыл дверь.

— Теперь лишних переменных нет? — спросил Генри.

— Остались только необходимые.

— Уверенный ответ.

Гостиная находилась в центральной части первого этажа. Тёмно-зелёные шторы обрамляли высокие окна. В камине горел огонь. Кресла были расставлены так, чтобы никто не мог полностью уединиться, но каждый мог сделать вид, будто выбрал место сам.

У камина стоял высокий сухощавый мужчина с тростью. Ему было около семидесяти. Седые волосы были зачёсаны назад, костюм сидел безупречно.

— Сэр Чарльз Мерсер, — представил Питер. — Судья в отставке. Мистер Генри Рид.

Мерсер протянул руку.

— Значит, вы и есть частный детектив.

Тон не был недружелюбным. Скорее проверяющим.

— В настоящий момент я гость, — ответил Генри.

— Эти состояния не всегда совместимы.

— Я постараюсь не выставлять счёт за знакомство.

Мерсер задержал на нём взгляд, затем чуть кивнул.

— Я знал нескольких полицейских следователей. Большинство слишком доверяли уликам, пока те подтверждали удобную версию.

— Вероятно, поэтому удобные версии так редко бывают правдивыми.

В глазах Мерсера появилось сдержанное одобрение.

— Вы служили в полиции?

— Служил.

— Долго?

— Достаточно.

Мерсер понял, что продолжения не будет.

— В таком случае у нас есть хотя бы один человек, знакомый с процедурой.

У окна стояла женщина в тёмно-сливовом платье. Ей было немного за пятьдесят. Жемчуг на шее, спокойная осанка и едва заметная улыбка создавали впечатление женщины, которая никогда не спешила заговорить первой, поскольку обычно могла позволить себе дождаться нужного момента.

— Элеонора Блейк, — сказала она, не ожидая представления. — Я слышала о вас, мистер Рид.

Генри поклонился.

— Надеюсь, не слишком много.

— Достаточно, чтобы понять, что мистер Вейл пригласил не ещё одного любителя загадок.

— Тогда источник проявил редкую сдержанность.

Элеонора улыбнулась.

— Мне сказали, что вы не торопитесь с выводами.

— Иногда это всего лишь вежливое название нерешительности.

— Вы не похожи на нерешительного человека.

Питер стоял у небольшого столика и проверял список. Элеонора перевела на него взгляд.

— Вы уже сообщили мистеру Риду, что он может уехать, пока не запущена система?

— Да, миссис Блейк.

— Хорошо. В прошлый раз мистер Вейл оставил это разъяснение до самой последней минуты. Один из гостей счёл подобный порядок неприличным.

— Он уехал? — спросил Генри.

— Нет. Он остался, чтобы объяснить мистеру Вейлу, насколько тот неправ. В итоге объяснение заняло дольше самой игры.

Мерсер постучал набалдашником трости по ковру.

— Люди редко покидают место, где им дали возможность высказать справедливое возмущение.

Элеонора посмотрела на него.

— Вы говорите из судебного опыта?

— Из человеческого. Судебный лишь предоставил больше примеров.

У столика с журналами стоял доктор Томас Роуэн. Он был одет аккуратно, без стремления обратить на себя внимание. В мягких складках у глаз и рта угадывалась усталость. Роуэн выбрал место, откуда видел и входную дверь, и большую часть гостиной. Его перчатки лежали рядом со шляпой, сложенные одна поверх другой.

— Доктор, — сказал Генри.

— Мистер Рид.

Роуэн пожал ему руку.

— Полагаю, вы уже составили первое мнение о доме.

— Я стараюсь не путать первое мнение с окончательным.

— Разумно. Греймур располагает к выводам быстрее, чем к проверке.

Он посмотрел на тёмные панели и высокое зеркало над камином.

— Вы давно знакомы с мистером Вейлом? — спросил Генри.

— Несколько лет. Я не его постоянный врач, если вас интересует именно это. Мы встречались в обществе. Однажды я консультировал человека из его окружения.

— А в игре участвуете впервые?

— Да.

Роуэн помолчал.

— Я согласился из любопытства. Теперь начинаю подозревать, что это самое распространённое оправдание в этом доме.

Элеонора повернулась от окна.

— Моё было тщеславием, доктор. Я решила, что справлюсь лучше, чем в прошлый раз.

— Вы уже участвовали? — спросил Генри.

— Несколько лет назад. Я проиграла.

— Мистер Вейл считает, что проигрыш приносит не меньше пользы, чем победа, — заметил Питер.

Мерсер слегка поморщился.

Генри перевёл взгляд на него.

— Вы раньше бывали в Греймуре?

— Один раз. Много лет назад, ещё до первой игры. Вейл устроил обед для нескольких людей из Лондона. Тогда дом казался менее подготовленным. Возможно, изменился не дом, а моя способность замечать приготовления.

— В первый визит человек смотрит на хозяина, — сказала Элеонора. — Во второй уже на двери.

— В моём возрасте, миссис Блейк, на двери начинают смотреть почти сразу.

Роуэн повернулся к Генри.

— А что привлекло ваше внимание первым?

— Люди, которые утверждают, что выход предусмотрен, но не знают, где он находится.

Питер закрыл блокнот.

— Мистер Вейл покажет систему лично. Он предпочитает объяснять её сам.

— Почему? — спросил Роуэн.

— Это его дом, — ответил Питер. — И его любимая часть дома.

Из вестибюля донеслись шаги.

Разговор стих не сразу. Сначала Генри заметил, что Питер выпрямился. Затем Мерсер повернул голову к двери. Элеонора поставила бокал с водой на столик. Роуэн остался в прежней позе, но его взгляд тоже переместился к входу.

В гостиную вошёл Эдмунд Вейл.

Ему было около шестидесяти пяти. Высокий, широкоплечий, с густыми седыми волосами и живым лицом, которое легко переходило от приветливости к вниманию и обратно. На нём был тёмно-синий костюм и бордовый галстук. Он двигался без торопливости человека, уверенного, что присутствующие подождут.

— Господа. Миссис Блейк. Прошу простить моё опоздание.

Он произнёс это с теплотой, не похожей на раскаяние.

— Я хотел убедиться, что Хоторн сегодня в должном расположении духа.

— Хоторн умер несколько лет назад, — заметил Мерсер.

— Мастер умер. Механизм продолжает спорить со мной каждую осень. В этом преимущество хорошей инженерии. Она переживает создателя и сохраняет его характер.

Вейл подошёл к Генри.

— Мистер Рид. Наконец-то.

Рукопожатие было крепким. Хозяин смотрел прямо, без привычки отводить взгляд раньше собеседника.

— Благодарю, что приняли приглашение. Уитмор предупреждал, что вы не любите, когда вас убеждают.

Генри посмотрел на Питера.

— Я сказал лишь, что мистер Рид уже согласился, — произнёс тот. — Второе письмо могло только напомнить ему о решении.

— Вот за что я ценю Уитмора, — сказал Вейл. — Он умеет сделать мою настойчивость похожей на административную необходимость.

Питер принял замечание как относящееся к работе, а не к нему самому.

Вейл оглядел собравшихся.

— Итак, мы все здесь. Персонал уехал. Телефон пока работает. Двери пока открыты. Если кто-либо решил, что здравый смысл дороже любопытства, у него остаётся возможность уйти.

Никто не двинулся.

Вейл посмотрел на Роуэна.

— Доктор?

— Я останусь. Но моё условие не изменилось. Если кому-то понадобится помощь, игра прекратится.

— Разумеется. Если возникнет медицинская необходимость, я воспользуюсь специальным кодом и открою дом.

Роуэн кивнул.

— Этого достаточно.

— Превосходно, — сказал Вейл. — Думаю, теперь мы можем перейти к самому интересному. Прежде чем сесть за стол и приступить к ужину, я покажу вам устройство, которое будет определять порядок игры.

Он направился к кабинету. Остальные последовали за ним.

Кабинет Вейла оказался просторным помещением с высоким потолком и тяжёлыми шторами. На полках между книгами стояли карманные часы, латунные шкатулки, модели замков и миниатюрные сейфы. Под стеклянным колпаком лежал разобранный часовой механизм.

В дальней стене, между двумя книжными шкафами, находилась деревянная панель, которую Генри принял бы за часть отделки. Вейл вынул длинный ключ и отпер её.

За панелью скрывался пульт с латунными дисками, шестью замочными скважинами, массивной рукояткой и рядом небольших закрытых отделений. Над ними находилась прямоугольная прорезь, из которой выступал край бумажной ленты.

— В 1938 году, — начал Вейл, — Артур Хоторн, известный лондонский мастер банковских сейфов, создал первоначальную конструкцию этого механизма. Я приобрел его несколько лет спустя и поручил приспособить к Геймуру. Мне хотелось, чтобы дом мог закрываться не просто на замок, а по определённой последовательности.

Мерсер посмотрел на систему без восхищения.

— Дом не сейф.

— Именно поэтому задача заинтересовала Хоторна.

Вейл положил ладонь на латунный корпус.

— Он назвал систему «Арбитром». После запуска тяжёлые засовы заблокируют наружные двери. Ставни первого этажа закроются. Телефонная линия будет физически отсоединена. Завершение каждого испытания освободит следующий участок механизма. После шестого этапа дом откроется.

На секунду повисла тишина, и он продолжил:

— Сам механизм блокировки не зависит от электричества. Его работа основана на тягах, тросах, противовесах, пружинах и шестернях. Основной узел находится в подвале. Перед каждой игрой механизм взводят вручную.

— Кто взводил его сегодня? — спросил Генри.

— Я и Уитмор. Под наблюдением человека, который обслуживает систему.

— Он уехал с персоналом?

— Сегодня утром. Не сомневайтесь, мистер Рид, в доме не прячется механик, которому поручено спасать нас от недостатка сообразительности.

— Я предпочитаю сомневаться до проверки.

— Именно поэтому вы здесь.

Роуэн подошёл ближе к панели.

— Аварийный механизм?

— Существует.

— Где?

Вейл улыбнулся, но не так широко, как прежде.

— Код хозяина позволяет остановить систему. Я буду находиться в доме вместе с вами.

— Вы уверены, что сможете воспользоваться им при любых обстоятельствах?

— Нет, доктор. При любых обстоятельствах человек не способен гарантировать даже следующий вдох. Но система исправна, а испытания безопасны.

— Это не одно и то же.

— Разумеется. Поэтому я пригласил вас, а не инженера.

Роуэн не ответил. Генри заметил, что пальцы врача на мгновение сжались на спинке кресла.

Вейл открыл нижнее отделение пульта и вынул небольшую деревянную шкатулку. Внутри, на тёмном бархате, лежали старинные ключи — шесть штук, каждый непохожий на остальные. Одни были длинными и тонкими, другие имели необычные изгибы.

— Первая игра называется «Шесть ключей», — сказал он. — В разных помещениях первого этажа спрятаны шесть деревянных коробок. Каждая заперта на один из ключей. Ваша задача — найти коробки, подобрать к ним ключи и разобраться с тем, что находится внутри.

— Значит, искать придётся по всему первому этажу? — спросил Мерсер.

— В пределах помещений, указанных правилами. Не нужно ломать стены и разбирать мебель, сэр Чарльз.

— Жаль. Я уже собирался выяснить, насколько прочна ваша отделка.

Вейл улыбнулся.

— Ключи пока останутся у меня. После ужина вы получите их и сможете приступить к поиску. До этого времени разрешается обсуждать игру, высказывать предположения и делиться тем, что каждый сочтёт нужным сообщить остальным. Сейчас я запущу «Арбитр». Это означает лишь, что поместье будет закрыто. Первая игра начнётся после ужина, когда вы получите возможность приступить к поиску.

Он вставил длинный ключ в центральную скважину.

Генри перевёл взгляд на остальных.

Мерсер наблюдал за рукой Вейла. Элеонора смотрела не на пульт, а на лица участников. Роуэн сохранял неподвижность, которая не была спокойствием. Питер стоял чуть в стороне, держа папку с подписанными соглашениями.

— Последняя возможность передумать, — произнёс Вейл.

Никто не ответил.

Он повернул ключ.

Внутри стены пришло в движение что-то тяжёлое. Сначала раздался низкий гул. Затем последовательность металлических ударов. Один прозвучал со стороны входной двери. Другой из глубины служебной части. Следом по дому прокатился грохот опускавшихся ставней.

Бумажная лента на пульте дрогнула. Скрытый штамп оставил на ней тёмную отметку.

Вейл вынул ключ.

— Добро пожаловать на десятую игру.

Некоторое время никто не говорил.

Мерсер первым подошёл к окну. Стальная ставня опустилась между стеклом и наружной декоративной решёткой. Судья постучал по ней костяшками пальцев.

— Серьёзная конструкция.

— Хоторн считал декоративные препятствия оскорблением профессии, — сказал Вейл.

— Он предусмотрел возможность, что участники просто сломают механизм?

— В соглашении вы обязались этого не делать.

— Бумага редко мешала человеку ломать вещи.

— Тогда ему помешает толщина стали.

Мерсер вернулся к пульту.

— Ваша уверенность почти убедительна.

— Почти?

— Я провёл слишком много лет, слушая людей, которые были полностью уверены.

Вейл улыбнулся, словно замечание доставило ему удовольствие.

Они вернулись в вестибюль. Стальные ставни изменили дом. Исчез серый дневной свет, и электрические лампы вместе с огнём в каминах казались теперь единственными источниками

освещения. Генри почувствовал это не как угрозу, а как перемену масштаба. Мир за стенами продолжал существовать, но дом перестал его признавать.

Перед входом в столовую Роуэн задержался у телефона на небольшом столике. Поднял трубку, прислушался и вернул её на рычаг.

— Линия отключена.

— Как и обещано, — сказал Вейл.

Вейл открыл двери столовой.

Длинный стол был накрыт на шесть персон. Белая скатерть, серебро, тонкие бокалы, низкая композиция из тёмно-красных цветов. Свечи не горели. Свет исходил от двух люстр и настенных ламп, отражавшихся в полированном дереве.

Во главе стола стояло кресло Вейла. Генри отвели место справа от хозяина. Напротив него сидела Элеонора. Мерсер занял место рядом с ней. Роуэн оказался возле Генри. Питер занял место в дальнем конце стола. Отсюда он мог видеть всех собравшихся и при необходимости дотянуться до бокового столика с блюдами и напитками.

— Теперь, полагаю, можно посмотреть, что вы для нас приготовили, — сказал Мерсер.

— Разумеется.

Вейл открыл шкатулку, которую принёс из кабинета. Шесть ключей лежали на тёмном бархате, каждый в отдельном углублении. Рядом он положил сложенный лист с правилами.

— В первой игре вам предстоит найти шесть коробок, спрятанных в помещениях первого этажа. Каждая коробка заперта на один из этих ключей. Внутри каждой коробки будет предмет, связанный с прошлым одного из вас. Ваша задача — не просто открыть коробки, но и понять, кому принадлежит каждый предмет и почему он оказался здесь.

— А как мы узнаем, какой ключ подходит к какой коробке? — спросила Элеонора.

— Для этого вам и придётся искать.

— Очень содержательное объяснение, — заметил Мерсер.

— Я старался не перегружать вас сведениями.

Вейл передал лист Генри, и тот прочитал правила вслух. В них говорилось, что участники должны работать сообща, не повреждать мебель и отделку, не вскрывать коробки силой и не уносить найденные предметы из дома. В конце листа отдельной строкой было указано, что в игре участвуют пятеро приглашенных. Вейл остаётся организатором и наблюдателем.

— А если мы найдём коробку, но не сможем подобрать ключ? — спросил Роуэн.

— Тогда придётся подумать ещё.

— И всё?

— В хорошей игре, доктор, иногда этого достаточно.

Питер стоял рядом с каминной полкой и слушал молча. Он не вмешивался в объяснения, хотя было очевидно, что правила ему знакомы.

— Когда начинается поиск? — спросил Генри.

— После ужина, — ответил Вейл. — До тех пор можете обсуждать всё, что увидели, и строить любые предположения. Но я попрошу вас не покидать столовую и не начинать поиски раньше времени.

— Значит, до ужина мы будем вынуждены довольствоваться разговорами, — сказал Мерсер.

— Уверяю вас, сэр Чарльз, иногда это самая трудная часть испытания.

— Вы посадили своего помощника так, чтобы он продолжал работать, — заметила Элеонора.

— Уитмор сам выбрал место, — ответил Вейл.

— Оно удобно для подачи, — сказал Питер. — Кроме того, отсюда лучше видно, когда мистер Вейл собирается изменить порядок вечера.

— Вы говорите так, словно это происходит часто.

— Достаточно часто, чтобы учитывать.

На боковом столике стояли два больших графина: один с красным вином, другой с водой. Рядом находились кофейник и накрытые серебряными крышками блюда. Перед местом Питера стоял бокал с небольшим количеством янтарного бренди.

Питер обошёл стол с графином воды. Сначала наполнил бокал Роуэна, затем Генри. Элеонора попросила вина. Мерсер последовал её примеру. Вейл тоже протянул бокал.

Питер вернулся к своему месту.

— А вы не присоединитесь к хозяину? — спросила Элеонора, заметив его отдельный бокал.

— Красное вино вызывает у меня головную боль.

— Бренди её не вызывает?

— Если не злоупотреблять.

— Полезное различие.

— Особенно для человека, которому предстоит убирать после ужина.

Вейл поднял бокал.

— За десятую игру. И за то, чтобы ни один из вас не оказался таким умным, каким считает себя сейчас.

— Тост составлен главным образом в вашу пользу, — сказал Мерсер.

— Каждый хороший тост составляется в пользу хозяина.

Бокалы поднялись. Генри сделал небольшой глоток воды.

Первым Питер подал прозрачный бульон, он снял крышку с супницы и начал разливать его по тарелкам. Делал он это без поспешности и без той подчёркнутой ловкости, которой слуги иногда напоминают гостям о собственном превосходстве в обращении с посудой.

— Вы каждый год исполняете обязанности дворецкого? — спросил Мерсер.

— Только во время игры.

— И давно участвуете в её подготовке?

— Несколько лет.

— Уитмор избавил меня от трёх секретарей, двух управляющих и одного консультанта, — сказал Вейл. — Последний до сих пор уверен, что ушёл по собственному желанию.

— Вы собираете помощников так же, как механизмы? — спросила Элеонора.

— Только удачные.

Питер поставил перед Генри тарелку.

— Мистер Вейл преувеличивает.

— Он преувеличивает редко, — сказала Элеонора. — Обычно только значение вещей, которыми владеет.

Вейл рассмеялся.

— Именно поэтому я приглашаю вас снова, дорогая Элеонора. Вы не позволяете гостеприимству испортить честность.

— Честность не так хрупка. Обычно её портит страх потерять приглашение.

Разговор некоторое время касался прежних игр. Элеонора рассказывала неохотно, поскольку соглашение о конфиденциальности продолжало действовать и после завершения испытаний. Вейл разрешил ей говорить об общих впечатлениях, но не о решениях.

— В тот год, — сказала она, — нам предложили выбрать из семи рассказов один правдивый. Ошибка заключалась в самом условии. Все семь были правдивы, но только один был полным.

Генри посмотрел на неё.

— Необычно щедрая игра. В жизни правдивых рассказов обычно меньше.

— Полных ещё меньше, — ответила Элеонора.

— Вы выиграли? — спросил Роуэн.

— Нет. Я выбрала рассказ, который звучал наиболее искренне.

— Сэр Чарльз, вам понадобилось много лет в суде, чтобы научиться различать ошибку и слабость?

— В суде различие редко имеет значение для фактов.

— Зато почти всегда имеет значение для человека.

Мерсер поднял бокал.

— Суд рассматривает поступки.

— А люди живут с причинами.

Генри слушал их, не вмешиваясь. Элеонора говорила мягко, но не отступала. Мерсер отвечал с привычкой человека, который не повышал голос, поскольку долгое время в этом не нуждался.

Роуэн ел медленно. Врач попробовал бульон, затем отложил ложку и посмотрел на Вейла.

— Почему именно шесть ключей?

— Достаточное число, чтобы поиск не превратился в простое переливание замков.

— Значит, количество коробок не связано с количеством игроков? Нас по прежнему пять? — спросила Элеонора.

— Совершенно верно.

Питер убрал суповые тарелки и принёс основное блюдо. Под серебряной крышкой оказался ростбиф, уже нарезанный толстыми ломтями. Рядом стояли картофель, морковь и соус.

Для мяса у каждого лежал отдельный острый нож с тёмной рукоятью. Питер, вернувшись на своё место, потянулся за прибором. Нож задел край тарелки и повернулся рукоятью к Генри.

В верхней части тёмной рукояти находилась небольшая светлая зазубрина. Не более крупная, чем след от неосторожного удара о металл. Генри заметил её потому, что повреждение нарушало ровный блеск поверхности.

Питер провёл большим пальцем по зазубрине, словно проверяя, не стала ли она острее.

— Возьмете другой? — спросил Вейл.

— Этот режет исправно. Я не люблю выбрасывать вещи из-за внешнего недостатка.

Питер отрезал кусок мяса. Нож действительно был острым.

Генри сделал глоток воды. Она показалась ему чуть иной. Не испорченной и не неприятной. Лишь с горечью, которую можно было объяснить минеральным составом или металлической пробкой графина.

— Вода из колодца? — спросил он.

Питер поднял голову.

— Из источника на территории поместья. Её фильтруют.

— Что-то не так? — спросил Роуэн.

— Нет. Просто вкус отличается от беллмурского.

Питер потянулся к графину.

— Я могу принести другую.

— Не стоит.

Генри сделал ещё один глоток. Горечь почти исчезла под вкусом соуса.

Мерсер отложил нож и оглядел стол.

— Любопытно, — сказал он, — что вы предлагаете нам искать предметы из собственно прошлого.

Питер заметил, что в графине с вином осталось немного, и долил Вейлу, Элеоноре и Мерсеру. Роуэн накрыл свой бокал ладонью.

— Мне достаточно воды.

— Разумеется.

Питер вернулся к своему бренди. В бокале оставалось почти столько же, сколько в начале ужина. Он пил небольшими глотками.

— Вы почти не пьёте, мистер Уитмор, — заметил Мерсер.

— Мне предстоит следить за тем, чтобы вечер не вышел из-под контроля.

— Даже во время игры вы остаётесь помощником?

Питер посмотрел на Вейла.

— Некоторые обязанности не прекращаются оттого, что хозяин называет вечер развлечением.

— В этом доме слишком много здравого смысла, — сказал Вейл. — К счастью, он сосредоточен в одном человеке и потому не угрожает остальным.

Питер ничего не ответил.

Генри почувствовал слабую тяжесть в висках.

Сначала он приписал её теплу. Столовая была прогрета сильнее гостиной. Закрытые ставни не пропускали холод, а лампы и огонь в камине делали воздух сухим.

Он отпил воды.

Горечь показалась заметнее.

Роуэн потёр переносицу.

— Вы устали, доктор? — спросила Элеонора.

— Дорога была долгой.

Он сказал это спокойно, но Генри заметил, что врач моргнул несколько раз подряд, словно пытался вернуть глазам ясность.

Питер убрал тарелки. Десерт оказался яблочным пудингом с густым кремом.

— Собственные яблоки, — объявил Вейл. — Из старого сада.

— Это должно склонить нас к снисходительности? — спросил Мерсер.

— Это должно склонить вас к благодарности садовнику.

— Который уже уехал.

Мерсер взял ложку, но не сразу начал есть.

Элеонора сидела, чуть откинувшись на спинку кресла. Её пальцы продолжали держать ножку бокала, хотя сам бокал стоял на столе. Взгляд стал менее сосредоточенным. Она повернулась к Генри.

— Вы стали молчаливее, мистер Рид.

Генри хотел ответить, но мысль пришла с небольшой задержкой. Не настолько большой, чтобы испугать. Достаточной, чтобы он это заметил.

Он положил ладонь на край стола.

Дерево под скатертью было твёрдым и устойчивым. На мгновение это показалось важным.

Питер разливал кофе. Для Генри и Роуэна он принёс чайник и две чашки.

— Чёрный, без молока и сахара, — сказал он, ставя чашку перед Генри.

Генри посмотрел на чай.

Вейл поднял чашку кофе, сделал небольшой глоток, и поставил чашку мимо блюдца, задел край и поправил её.

Роуэн увидел это.

— Вы хорошо себя чувствуете?

— Прекрасно. Я сыт, доволен и окружён людьми. Вечер развивается успешно.

Генри поднял чашку с чаем.

Запах показался ему слишком слабым. Или, возможно, дело было не в чае. Он сделал небольшой глоток и ощутил ту же едва заметную горечь, что оставалась после воды.

Мысль возникла ясно.

Он поставил чашку.

Роуэн медленно повернул голову к нему.

Их взгляды встретились.

— Доктор, — сказал Генри.

Слово прозвучало нормально. Следующее потребовало большего усилия.

— Вам тоже…

Роуэн выпрямился. Лицо его изменилось не от страха, а от попытки сосредоточиться.

— Не пейте больше, — произнёс он.

Мерсер посмотрел на них.

— Что происходит?

Его голос сохранил твёрдость, но рука соскользнула с набалдашника трости, прислонённой к креслу.

Элеонора отпустила ножку бокала.

Бокал не упал. Он лишь качнулся и остановился.

Питер поднялся со своего места.

— Доктор?

Генри перевёл взгляд на него. Тёмный костюм. Белый воротничок. Бокал с бренди. Рука на спинке кресла.

Что-то в этой картине требовало внимания, но мысль не удержалась.

— Откройте дом, — сказал Роуэн Вейлу.

Вейл смотрел на врача так, словно тот находился дальше, чем позволяла длина стола.

— Ничего серьёзного.

— Код хозяина.

Роуэн попытался встать. Его ладонь легла на стол, задела ложку. Ложка звякнула о край тарелки.

Звук оказался неожиданно громким.

Вейл тоже поднялся, но тут же опустился обратно в кресло.

— Уитмор…

Питер сделал шаг к нему.

Генри попытался проследить за движением.

— Всем оставаться на местах, — сказал Роуэн.

Генри подумал, что это разумное указание. Затем понял, что уже не уверен, произнёс ли доктор слова вслух.

Комната изменила пропорции. Дальний конец стола отступил. Лица казались отчётливыми, но находились словно за толстым стеклом.

Он посмотрел на свои часы.

Стрелки были видны. Понять их положение оказалось труднее.

Четыре минуты.

Мысль возникла без причины и почти сразу исчезла.

Генри положил обе руки на стол.

Нельзя было торопиться с выводами.

Сначала следовало установить, что произошло.

Он попытался открыть блокнот, но пальцы не слушались. Карандаш выскользнул и упал на пол.

Никто не наклонился его поднять.

Мерсер сидел с закрытыми глазами, хотя подбородок ещё держался высоко. Элеонора склонилась к спинке кресла и смотрела на стол, не моргая. Голова Роуэна опустилась. Вейл оставался во главе стола, одной рукой сжимая край скатерти.

Питер находился у дальнего конца стола. Генри видел его фигуру, но уже не мог понять, стоит ли тот или опирается на спинку кресла. Свет от люстры расплылся вокруг его фигуры. Питер что-то говорил Вейлу. Слова не доходили до Генри.

Генри попытался произнести имя Роуэна.

Не смог.

Последним отчётливым ощущением стала горечь на языке.

Потом белая скатерть медленно поднялась ему навстречу, и столовая исчезла.

Глава 2

Ужин в молчании

Сознание возвращалось к доктору Роуэну медленно, словно он поднимался из глубокой воды. Сначала он ощутил тяжесть в голове и неприятную сухость во рту. Затем различил запах остывшей еды и вина.

Он попытался пошевелиться и обнаружил, что сидит, неудобно наклонившись вперёд. Одна рука лежала на скатерти, другая свисала возле стула. Несколько секунд Роуэн не мог понять, почему оказался в таком положении. Последнее, что он помнил, — ужин, разговоры за столом и внезапно навалившаяся слабость, которую он сначала принял за усталость после долгой дороги.

Он осторожно выпрямился.

За столом по-прежнему находились остальные. Генри Рид сидел неподвижно, склонив голову набок. Элеонора Блейк почти лежала на скатерти, её рука оказалась рядом с бокалом. Чарльз Мерсер откинулся на спинку стула, и его лицо, обычно выражавшее суровую готовность вынести очередное суждение, теперь казалось совершенно беззащитным. Питер Уитмор сидел чуть в стороне, опустив голову на сложенные руки.

Роуэн провёл ладонью по лицу. Мысли ещё путались, но профессиональная привычка постепенно брала верх. Он посмотрел на каждого из присутствующих, пытаясь понять, не требуется ли кому-нибудь помощь.

И только после этого перевёл взгляд на место во главе стола.

Эдмунд Вейл сидел в своём кресле. Его поза показалась доктору неправильной не сразу: хозяин дома словно застыл посреди движения, немного подавшись вперёд. Затем Роуэн увидел рукоять ножа, выступавшую из его груди.

Он замер.

На мгновение исчезло всё, кроме этого предмета и тёмного пятна, расплывавшегося по ткани рубашки. Роуэн поднялся так резко, что стул с неприятным скрежетом отъехал назад. Он обошёл край стола и приблизился к Вейлу, стараясь не задеть ни посуду, ни тело.

— Мистер Вейл?

Ответа не последовало.

Доктор наклонился, осторожно проверил пульс и задержал пальцы на шее хозяина дома. Затем повторил проверку, хотя уже понимал, что надеяться не на что. Он не стал трогать нож и не пытался изменить положение тела. В его профессии бывали минуты, когда желание немедленно что-то сделать приходилось сдерживать ради того, чтобы не причинить дополнительного вреда.

Но здесь уже нельзя было помочь.

Роуэн медленно выпрямился. Он посмотрел на лицо Вейла, потом на нож, оставленный в груди, и почувствовал, как остатки сонной затуманенности уступают место холодному, тяжёлому пониманию.

Эдмунд Вейл был мёртв.

Роуэн отступил на шаг и оглядел столовую. Теперь ему предстояло сделать то, что он считал необходимым, хотя каждое движение давалось с трудом. Он всё ещё ощущал слабость, а голова оставалась тяжёлой, но мысль работала достаточно ясно: если Вейл убит, остальные могли подвергаться опасности.

— Мистер Рид, — позвал он.

Генри не отозвался. Его голова по-прежнему была склонена, одна рука лежала возле тарелки. Доктор коснулся его плеча и слегка встряхнул.

— Мистер Рид. Проснитесь.

Генри не шевельнулся.

Роуэн попробовал ещё раз, затем оставил его и повернулся к Элеоноре. Та сидела, неловко наклонившись к столу. Доктор осторожно коснулся её запястья, проверяя пульс. Он ощущался. Элеонора была жива, но пока не приходила в сознание.

— Миссис Блейк?

Он позвал её громче, однако она лишь едва заметно изменила положение головы.

У Мерсера дела обстояли не лучше. Судья откинулся на спинку стула, и его лицо казалось неподвижной маской. Роуэн проверил его дыхание, затем выпрямился. Все четверо были живы, но находились в состоянии глубокого беспамятства.

Он посмотрел на Питера.

Тот сидел в дальнем конце стола, опустив голову на сложенные руки. Роуэн подошёл к нему и остановился рядом.

— Мистер Уитмор.

Никакой реакции.

Доктор положил ладонь ему на плечо.

— Питер. Проснитесь.

Уитмор медленно поднял голову. Его веки дрогнули, он несколько мгновений смотрел на Роуэна так, словно не сразу узнал его, а затем перевёл взгляд на стол.

— Что… произошло?

Голос звучал хрипло и сонно.

Роуэн не ответил сразу. Он проследил за взглядом Питера: тот увидел Вейла, нож в его груди и кровь на одежде. Лицо помощника изменилось.

— Мистер Вейл мёртв, — сказал Роуэн.

Питер резко выпрямился, но тут же ухватился за край стола.

— Мёртв?

— Да. Не трогайте его.

— Господи…

Питер посмотрел на хозяина дома, потом на собственные руки.

— Я ничего не помню, — произнёс он. — После ужина… Мне стало нехорошо.

— Мне тоже, — ответил Роуэн.

— А остальные?

— Живы. Пока не пришли в себя.

Питер снова посмотрел на Вейла. Его взгляд задержался на ноже, и он отвёл глаза.

Роуэну не понравилось, как прозвучало собственное следующее предложение, но он всё же произнёс его:

— Нам нужно разбудить остальных. И выяснить, что здесь произошло.

— Конечно, доктор.

Питер медленно поднялся. Он держался за спинку стула, пока не убедился, что может стоять. Роуэн заметил, что сам едва ли выглядел лучше.

Они подошли к Генри. Доктор снова позвал его, на этот раз громче, и похлопал по щеке. Генри слабо пошевелился, нахмурился, но глаза не открыл.

— Мистер Рид, вы меня слышите?

Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем Генри наконец поднял голову. Он моргнул, будто свет причинял ему боль, и попытался выпрямиться. Его рука скользнула по скатерти, нащупывая опору.

— Не торопитесь, — сказал Роуэн.

Генри посмотрел на него. Потом перевёл взгляд на Питера, стоявшего рядом, и лишь после этого заметил кресло во главе стола.

Он не произнёс ни слова.

Доктор видел, как меняется его лицо: сначала недоумение, затем усилие узнавания, наконец — понимание того, что перед ними находится не просто человек, которому стало плохо за ужином.

— Вейл? — спросил Генри.

— Да, — ответил Роуэн. — Он мёртв.

Генри медленно опустил взгляд на нож. Некоторое время он смотрел на него, не двигаясь, затем перевёл глаза на доктора.

— Вы проверили?

— Проверил. Я не стал трогать нож и тело.

— Правильно.

Генри осторожно провёл ладонью по лицу. Было видно, что ему трудно сосредоточиться, однако голос, когда он заговорил снова, уже звучал ровнее.

— Что с остальными?

— Живы. Но пока не пришли в себя.

Он попытался подняться. На этот раз Роуэн придержал его за локоть.

— Не спешите, мистер Рид. Мы оба ещё не вполне восстановились.

— Боюсь, доктор, обстоятельства не особенно расположены ждать.

— Обстоятельства могут подождать хотя бы до тех пор, пока вы не перестанете держаться за стол.

Генри посмотрел на свою руку, лежавшую на скатерти, и нехотя согласился. Он остался сидеть, но выпрямился и снова посмотрел на Вейла.

За столом стояла тишина. Остывшие блюда оставались на своих местах, рядом с тарелками лежали приборы, бокалы не были убраны. Вчерашний ужин словно остановился на середине, оставив после себя картину, в которой всё ещё сохранялся порядок застолья, но уже не было ничего от обычного вечера.

Генри медленно обвёл взглядом стол.

— Сколько времени мы были без сознания? — спросил он.

Роуэн покачал головой.

— Не знаю. По собственным ощущениям определить невозможно. Я не могу даже сказать, что именно с нами произошло.

— Но вы подозреваете, что нас чем-то опоили?

— Это наиболее вероятное объяснение. Все мы почувствовали слабость, а затем потеряли сознание. Однако я не стану называть вещество, пока у меня нет оснований. Для этого понадобятся анализы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.